

Anima media natura как юнгианский подход к психике

Сагайдак Александр Николаевич.

Ассоциация глубинной психологии «Теурунг», Украина.

e-mail: s5456@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу юнгианского подхода к предмету психологии в сравнении с психоаналитическим и позитивистским.

Ключевые слова: Бессознательное, эго, фантазия, травма, диссоциация, защита, архетип, Самость.

Anima media natura as Jungian approach to psyche

Sagaydak Alexander Nikolaevich.

Association of deep psychology "Teurung", Ukraine.

e-mail: s5456@mail.ru

Abstract. Article is sanctified to the analysis of the jungian going near the article of psychology by comparison to psychoanalytic and positivism.

Keywords: Unconscious, ego, fantasy, injury, dissociation, defence, archetype.

В своей работе «Трансцендентальная функция» [7] К.Г. Юнг отметил подобие математической функции, определяющей свой знак на экстремуме, и функции психической, проявляющей свою суть в экстремальных состояниях. Эта аналогия особенно валидна, когда мы оцениваем вклад психотерапии и клинической психологии в развитие фундаментального психологического знания, знания о природе психики как таковой. Поиск новых методологических подходов к диагностике, коррекции и терапии глубинной психотравмы так или иначе сводится к полемике, заданной еще основоположниками глубинной психологии о причинах образования «вторичных психических групп» у травмированной личности. И К.Г. Юнг, и З. Фрейд [5] признавали необходимость включения развития травмированной личности в

фантазийно-бессознательный контекст. Но принципиальной позицией К.Г.Юнга была интерпретация бессознательных фантазий не как сугубо дисфункциональных, но и выполняющих защитные функции по отношению к травмированному эго. Психика, таким образом, использует архетипический уровень для предохранения эго, слишком слабого, чтобы справиться с травмой самостоятельно. Однако формирование архетипических защитных механизмов и последствия их действия для взрослой личности по-прежнему остаются предметом острых споров.

Сущность ранней детской психотравмы состоит в том, что аффективные переживания, вызванные неблагоприятными условиями внешней среды, становятся субъективно слишком сильными для того, чтобы детская психика могла их вынести в нормальном режиме функционирования [2]. Диссоциация целостного переживания становится необходимой для выживания психики, которая переходит к иной структуре интеграции. Связи между составляющими психики, и в первую очередь – между эго и бессознательным, подвергаются атакам защитных механизмов бессознательного, которые при этом берут на себя функции поддержания целостности. Событие и аффект, аффект и смысл отделяются друг от друга. При особенно тяжелых случаях травматизации связь между аффектом и смыслом не поддерживается даже через посредничество защитных механизмов бессознательного. Сигналы из внешней среды и бурные детские аффекты утрачивают последний доступ к символизации и осмыслению – доступ к эго. Тем активнее вторгаются в сознание бессознательные фантазии, состоящие из архаичных, не имеющих определения объектов, полностью чуждых смыслу, сознанию и упорядоченному миру культуры. В результате первичная детская алекситимия, являющаяся нормой до тех пор, пока ребенок не научился говорить, становится неотъемлемой составляющей взрослеющей личности в том, что касается переживаний.

В менее тяжелых случаях диссоциация не достигает степени полного разрыва связей, и фигура внутреннего Защитника/Преследователя, открытая Д. Калшедом и исследуемая нами становится преимущественно опекающей [2]. В этом случае бессознательные фантазии по-прежнему заменяют собой конструктивную работу воображения, но, по мнению Д.Калшеда, основой для таких фантазий становится позитивный полюс Самости. Ее позитивные энергии хоть и не дают развиваться эго в полной мере, но поддерживают его своей нуминозной силой, ужасающий характер которой уступает место чарующе-волшебному. Стремясь как можно точнее выразить суть защитных механизмов бессознательного, Д. Калшед пролагает, что они обеспечивают выживание личности ценой прекращения процесса индивидуации [2]. Стремясь сохранить

«неразрушимый личностный дух» в безопасности, они инкапсулируют его, отделяя от психосоматического единства души и тела и перекрывая доступ к существованию «здесь и сейчас», т.е. в реальном мире и реальном времени. Вместо постепенной и трудной интеграции бессознательного и эго в связную личность, огромная энергия амбивалентных полюсов архетипа окончательно поляризуется, образуя диссоциативный защитный механизм. Используя терминологию К.Г.Юнга [10] мы в своих исследованиях сделали вывод о том, что непереносимый уровень тревоги, делающий невозможным функционирование целостного эго, возникает в том случае, когда архетипические аффекты остаются неперсонифицированными («неочеловеченными») и ребенок остается лицом к лицу с первичным, ужасным и нечеловеческим обликом архетипа. Сущность эмоциональных переживаний ребенка в таком состоянии имеет свою специфику. Х.Кохут очень точно передал характер этой тревоги, назвав ее «тревогой дезинтеграции» и оценив ее как самую сильную тревогу, которую только может испытать человек [3]. Эта тревога проистекает от угрозы полного разрушения личности и парадокс ситуации состоит в том, что то, что вызвало эту тревогу, становится и средством совладания с нею – архетип. Если речь идет об обычных защитных механизмах, например, о вытеснении, то в структуре личности всегда есть уровень, где сохраняются вытесненные факты и переживания. Если же внутри личности действуют защитные механизмы бессознательного, то воспринятые образы не получают целостной репрезентации даже в «закрытом архиве» психики. Они либо переводятся на соматический уровень, либо фрагментируются на полностью изолированные друг от друга части. При сильных уровнях травматизации фрагментация переживаний настолько тщательна, что они никогда не смогут быть представлены в сознании в виде целостных образов, т.е. утрачены навсегда. Таким образом, делая личность нечувствительной к возможному повторению травмы, защитные механизмы бессознательного делают ее неспособной к любым целостным переживаниям, чья сила хоть отдаленно напоминает первичный травматический аффект.

К.Г.Юнг неоднократно подчеркивал субстанциональность психики, нарушения которой столь же специфичны, как дисфункции разума или соматические болезни. Выделение специфически психических нарушений чрезвычайно затруднительно ввиду тонкости психической реальности для психологического исследовательского инструментария, однако это не означает, что ее нет. Стремясь дать максимально полное определение субстанциональности психики, К.Г.Юнг говорит следующее: «Согласно лежащему в основе этого представления о психическом, эта субстанция

наполовину телесной, наполовину духовной природы; некая «*anima media natura*» (душа промежуточной природы)» [8]. Таким образом, мы можем интерпретировать специфически психологический уровень в человеке как некое переходное, трансформирующееся и трансформирующее пространство (как именно и обозначил его Д.Винникот) [1]. Отсюда становится очевидным, как утверждает Д.Калшед, что источник нарушений травмированной личности, у которой соматические и когнитивные процессы диссоциированы, находится именно в этой переходной области. Телесные переживания травмированной личности характерны отсутствием некоего важного компонента, который психологи XIX в. обозначили бы как «жизненную энергию» или «волю к жизни» [4]. Д.Калшед называет это утратой личностного духа. Ощущение отсутствия этого компонента вызывает у человека чувство непреходящей неудовлетворенности, которое он пытается компенсировать интенсивной стимуляцией, формы проявления которой бывают невероятно причудливы, если не сказать больше – извращены. Эти попытки заведомо безнадежны, поскольку восполнить это чувство неудовлетворенности может только одно – гармонизация переходного пространства и интеграция соматического и рационального. Однако у личности, пережившей раннюю детскую психотравму, это переходное пространство заблокировано защитными механизмами бессознательного, сила которых значительно превосходит силу сознательного эго.

Трактовка психики как «*anima media natura*» между духом и телом имеет и другие вполне четкие прикладные аспекты. К примеру, достаточно распространенной неудачей в аналитической работе и психотерапии является ее чрезмерная рационализация, т.е. стремление аналитика действовать только на уровне радио. Аффект в этом случае так и остается непрожитым, травматический опыт – неинтегрированным. Другая крайность – перенос центра тяжести работы с анализандом на соматический уровень (что случается, например, при телесно-ориентированном подходе). Разблокировка мышечных панцирей может привести к высвобождению связанных этими зажимами аффектов, при этом высвобождение так и не приводит к трансформации аффекта в образы и осознанию травмы. Таким образом, кроме архетипического происхождения еще одной важной причиной силы защитных механизмов бессознательного является принципиальное различие между рациональной и соматической природами человека, которое в норме преодолевается интегрирующей природой «*anima media natura*». У травмированной личности психика теряет свои интегративные свойства, на смену которым приходит диссоциативная деятельность защитных механизмов бессознательного.

На практике это выглядит так, что у травмированной личности соматические ощущения так и не становятся осознанными, т.е. вербальный интеллект не может воплотить их в словесные образы. Человек бессознательно ищет другие способы выражения телесных ощущений, которые не могут достигать уровня символической трансформации, а, следовательно, будут примитивно-архаичными. Его телесные переживания теряют личностный характер и на всю его соматическую природу ложится отпечаток деперсонализации.

Пытаясь дать определение психике, К.Г. Юнг использовал в качестве аналогии спектральность света. Видимая часть спектра – это, собственно, и есть «*anima media natura*», осознаваемый уровень психики. Не воспринимаемые глазом ультрафиолетовые и инфракрасные волны – это психика вне сознания. Д.Калшед, используя юнговский образ, предлагает отождествить инфракрасный полюс с аффективно-инстинктивной, архаичной, териоморфной и даже инфернальной стороной бессознательного. Ультрафиолетовый же – с высшей, духовной, божественной его сущностью. Мы, в свою очередь, используя образ, предложенный Д.Калшедом, дифференцируем функции защитных механизмов бессознательного, т.е. дифференцируем синкретичную фигуру Защитника/Преследователя, опекающие функции которого в этой интерпретации относятся к ультрафиолетовому, а тиранические – к инфракрасному полюсу. И когда «*anima media natura*» уступает место защитным механизмам бессознательного, разрывая тем самым прямую связь между соматическим и рациональным, эго анализанта уходит одновременно в оба этих полюса – инфракрасный (аффективный) и ультрафиолетовый (духовный). Это подтверждает наше предположение о том, что защитные механизмы бессознательного кроме деструктивных, наделены также и конструктивными свойствами, что совпадает с мнением Э. Нойманна, Дж. Хиллмана, Н. Шварц-Заланта, Д. Сандера и Дж. Биби, Дж. Хендерсона, М. Вудман, Л. Леонард и Г.Могенсона [2; 6].

Позитивистский подход игнорирует трансперсональный аспект психики и вовсе отрицает присутствие нуминозного. С точки зрения же юнгианской психологии все психические процессы (что бы мы ни вкладывали в это слово) следует рассматривать в контексте архетипических. Исторически сложившейся формой амплификации архетипа является миф. Личный миф каждого человека реализуется по этому же сценарию. Отличие травмированной личности состоит в том, что она не проживает своих страданий, а подчиняется им, отдается в их власть. Кстати, в мифах нередко встречается сюжетный ход, когда герой в своих странствованиях встречает людей или существ, находящихся именно в

таким положением. На архаическом языке такое положение называется проклятость и все мифологические сюжеты сходятся на том, что такое состояние может быть снято только с помощью извне – с помощью героя, мудрого старца или прекрасной принцессы. Разумеется, травмированная психика не бездействует и прилагает усилия к балансировке энергетического потенциала эго и бессознательного. Но при травме бессознательные фантазии занимают место самооценки, поскольку потребности личности в общении с окружающим миром остаются неудовлетворенными. В период раннего детства для преобразовывания архетипической энергии и придания формы бессознательным фантазиям используется сказочная символика. Практически во всех детских сказках присутствует тема переходных процессов. Возьмем, к примеру, сказку «12 месяцев». Волшебному, чарующему, магическому миру повелителей природных стихий – месяцев, противостоит изнурительный, тяжелый, грязный, унижительный мир мачехи и ее дочери. Эти два мира никак не соприкасаются: в обычных обстоятельствах ни Аленушка не может проникнуть в освещенный магическим костром круг братьев-месяцев, ни сами братья не могут прийти к ней на помощь и даже не знают о ее существовании. Переходным миром между этими двумя бинарными полюсами является дворец принцессы. При этом даже сам образ принцессы является переходным – наполовину она капризный, жаждущий любви ребенок, наполовину – самовластная, безжалостная повелительница. Центральными символами, которые воссоединяют и противоречивое естество принцессы, и открывают доступ к преобразованию «темного» мира мачехи, становятся подснежники и кольцо. Сказка заканчивается счастливо, и особенную, практически завершенную гармонию ей придает именно то обстоятельство, что зловещие, темные фигуры мачехи и ее дочери так же становятся способны к искуплению и очищению – после пребывания в течение года в собачьем теле им будет возвращено человеческое. Травматическая расколотость бытия на два мира оказывается преодоленной.

Подобные сюжеты мы можем наблюдать во многих сказках. Мир бедности, страдания, жестокости и гордыни противостоит чистому, совершенному миру волшебства и радости. Но на границе этих двух миров всегда стоит страж (в сказке «12 месяцев» фигура стража была представлена в образе самой зимы и темного леса, но обычно это персонифицированная фигура – антропо- или зооморфная), который не пропустит недостойных. Есть и еще одна вариация этого сюжета, и для нас она представляет особый интерес – фигура стража так же двойственна: со стороны темного мира она

околдовывающая, запугивающая, преследующая и запрещающая, а со стороны светлого мира – испытывающая, очищающая, помогающая.

Таким образом, в основе любой сказки лежит более древний, мифопоэтический сюжет развития от страдания и нищеты через ужас и злодейство к волшебству и свету – воплощению радостной стороны нуминозного.

В нашей терапевтической и исследовательской работе мы используем метод трансцендентной функции как основной метод диагностики защитных механизмов бессознательного. Опираясь на одноименную работу К.Г.Юнга, мы исходим из высказанной им мысли, что процесс активного воображения является «наиболее эффективным способом выведения на поверхность того содержимого бессознательного, которое располагается сразу же за порогом сознания и, будучи подвергнуто активизации, как правило, спонтанно врывается в осознающий разум» [10].

И К.Г.Юнг, и все его последователи обращают внимание на то, что содержания сознания и бессознательного весьма редко стыкуются друг с другом. Антиномичные позиции бессознательного не представляют собой угрозы для эго до тех пор, пока не обретут избыточный энергетический заряд. Это, в свою очередь наблюдается тогда, когда рационалистическая направленность сознания становится излишне концентрированной, а, следовательно, препятствующей любому проявлению иррациональности. Если противостояние тенденций сознания и бессознательного становится антагонистичным, то возникает угроза прорыва антиномичной тенденции бессознательного в сознание. Однако именно соединение тенденций сознания и бессознательного приводит к образованию трансцендентной функции, которая, кстати, и называется так, потому что позволяет осуществлять переход от бессознательного к сознанию не утрачивая содержания первого. К.Г.Юнг называет это метод конструктивным или синтетическим и результатом этого синтеза является прозрение анализанда. Теоретически трансцендентной функцией выступает то самое переходное пространство психики, которое К.Г.Юнг назвал «*anima media natura*». Однако даже для нетравмированной личности использовать эту функцию самостоятельно – задача предельной сложности. Для травмированной же это вообще невозможно, поскольку защитные механизмы бессознательного дезинтегрируют переходное пространство психики. Аналитик, таким образом, выступает в качестве внешней интегрирующей силы для «*anima media natura*» анализанда, т.е. выполняет трансцендентную функцию. К.Г.Юнг отмечает в связи с этим особую важность переноса для процесса анализа, поскольку именно с помощью переноса

анализанд «делегирует» трансцендентную функцию аналитику. Логично, что это может приводить к очень сильной привязанности анализанта к аналитику, что, конечно, имеет и свои негативные стороны. Однако до определенного момента с этим приходится соглашаться.

Когда в психике начинаются диссоциативные процессы, то «неразрушимый личностный дух» по Д.Калшеду уходит в глубины бессознательного, превращаясь в творца тоскливых и чарующих фантазий. Проекцией этих фантазий в сферу человеческого знания, как определил еще К.Г.Юнг, является средневековая алхимия, на самом деле представляющая собой учение о превращениях человеческого духа, а не вещества. Алхимические трактаты представляют собой огромный и малоизученный источник древних знаний о глубинных процессах психики, что убедительно показывает К.Г.Юнг в своих книгах «Психологи и алхимия» и «*Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения»: «В человеческом теле имеется определенная эфирная субстанция... небесной природы, известная очень немногим, которой не требуется никакое лекарство, ибо она сама является безотказным лекарством» [8; 11]. Алхимия трактует эту «эфирную субстанцию» как *natura abscondita* (скрытая природа), доступную только внутреннему наблюдению, т.е. интроспекции. Эта субстанция имеет двухсоставный образ, соединяющий в себе небесное и земное начала. При этом небесная часть образа является крылатым существом, способным достигать эфирного неба и связывать, таким образом, человеческое естество с небесным миром. Алхимики называли эту эфирную субстанцию Меркурием (по аналогии с божеством античного пантеона, выполнявшем роль посредника между богами и людьми). Меркурий или Гермес, по их мнению, является двуликим духом, объединяющим в себе полюса души и тела, разума и страсти, света и тени, мужского и женского. Парацельс называл эту субстанцию «*lumen naturae*» (свет естества) и утверждал, что ее природа включает в себя неземной «*pumen*» (небесный свет) и природный *lumen*. Человек же достигает совершенства через соединение *pumen* и *lumen* [11]. Еще ранее философия неоплатонизма называла этот феномен «тонким телом», так же состоящим из двух природ. Духовную природу этого «тонкого тела» они именовали «пневма», а переходную между пневмой и телом - «*soma pneumaticon*» [11]. Однако, невзирая на различия в терминологии, представители всех вышеперечисленных направлений полагали этот феномен ключевым внутриобразующим принципом человеческого естества. Характерно, что описание вторичных (*accidencia*) свойств этого «тонкого тела», приводимое в философских и алхимических трактатах, во многом совпадает с интерпретацией психики как универсального инструмента

адаптации индивидуума, разработанной в рамках функционалистского психологического подхода. Понятие тонкого тела или эфирной субстанции очень близки к аналитико-психологическому пониманию психики. К.Г.Юнг неоднократно приводил клинические примеры локализации болезни именно в психике, в то время как когнитивные и соматические процессы остаются в норме. Он неоднократно подчеркивал субстанциональность психики, нарушения которой столь же специфичны, как дисфункции разума или соматические болезни.

Список литературы:

1. Винникот Д.В. Разговор с родителями. М.: Независимая фирма «Класс», 1994. 112 с.
2. Калшед Д. Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа. М.: Академический проект, 2001. 368 с.
3. Кохут Х. Восстановление Самости. М.: Когито-центр, 2007. 315 с.
4. Психология сознания / Сост. и общая редакция Л.В.Куликова. СПб.: Питер, 2001.
5. Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. Методика и техника психоанализа. СПб.: Алетейя, 1999. 223 с.
6. Энциклопедия глубинной психологии (в 4-х т.) / ред. А.М.Боковой – М.: Когито-Центр, МГМ, 2004.
7. Юнг К.Г. Трансцендентальная функция // Юнг К.Г. Синхронистичность. М., Рефл-Бук К., Ваклер, 1997, 320 с.
8. Юнг К.Г. Психология и алхимия. - М.: Рефл-бук, 1998. 529 с.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
10. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 320 с.
11. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Мн.: Харвест, 2003. 576 с.

References:

1. Vinnikot D.V. Razgovor s roditeljami. M.: Nezavisimaja firma «Klass», 1994. 112 s.
2. Kalshed D. Vnutrennij mir travmy: arhetipicheskie zashhity lichnostnogo duha. M.: Akademicheskij proekt, 2001. 368 s.
3. Kohut H. Vosstanovlenie Samosti. M.: Kogito-centr, 2007. 315 s.

4. Psihologija soznanija / Sost. i obshhaja redakcija L.V.Kulikova. SPb.: Piter, 2001.
5. Frejd Z. O psihoanalize. Pjat' lekcij. Metodika i tehnika psihoanaliza. SPb.: Aletejja, 1999. 223 s.
6. Jenciklopedija glubinoj psihologii (v 4-h t.) / red. A.M.Bokovikova – M.: Kogito-Centr, MGM, 2004.
7. Jung K.G. Transcendental'naja funkcija // Jung K.G. Sinhronistichnost'. M., Refl-Buk K., Vakler, 1997, 320 s.
8. Jung K.G. Psihologija i alhimija. - M.: Refl-buk, 1998. 529 s.
9. Jung K.G. Arhetip i simvol. M.: Renessans, 1991.
10. Jung K.G. Psihologija besoznatel'nogo. M.: Kanon, 1994. 320 s.
11. Jung K.G. Mysterium Coniunctionis. Tainstvo vossoedinenija. Mn.: Harvest, 2003. 576 s.

Сведения об авторе:

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (г.Харьков, Украина), член редакционной коллегии научного журнала «История российской психологии в лицах: Дайджест» (Украина).